

Мих. ЗОЩЕНКО

БЛЕДНОЛИЦЫЕ БРАТЬЯ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

■■■
БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 267

АКЦ. ИЗД. О-ВО „ОГОНЕК“
МОСКВА — 1927

Е

М

Вышедшие книжки Библиотеки «Огонек».

<p>О ГЕНРИ ПРИНЦ ИЗ СКАЗКИ РАССКАЗЫ</p> <p>*** Минускульное издание № 120 1937 г.</p>	<p>А ЗУЕВ ЧЕРЕЗ СЕРДЦЕ РАССКАЗЫ</p> <p>*** Минускульное издание № 121 1937 г.</p>	<p>МАРСЕЛЬ МАРТИНЗ ПРОКЛЯТЫЕ ГОДЫ</p> <p>*** Минускульное издание № 122 1937 г.</p>	<p>Д. ФРИДМАН МЕНДЕЛЬ МАРАНЦ МЕНЯЕТ КВАРТИРУ</p> <p>*** Минускульное издание № 123 1937 г.</p>
<p>П. БЛАДИН БОЛЬШЕВИК МАМЕДКА ВИНД-РАССКАЗЫ</p> <p>*** Минускульное издание № 124 1937 г.</p>	<p>АЛ. ЯКОВЛЕВ ЛЕНКА ПОЛНОЧНЫЙ РАССКАЗЫ</p> <p>*** Минускульное издание № 125 1937 г.</p>	<p>Д. ФРИДМАН ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕНДЕЛЯ МАРАНЦА</p> <p>*** Минускульное издание № 126 1937 г.</p>	<p>ЕФИМ ЗОЗУЛА ВЕСЕННИЕ РАССКАЗЫ</p> <p>*** Минускульное издание № 127 1937 г.</p>
<p>Л. НИКУЛИН ПРОТИВНЫЙ СЛУЧАЙ ВКЛУК-РАССКАЗЫ</p> <p>*** Минускульное издание № 128 1937 г.</p>	<p>В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ИЗБРАННЫЕ СТУКИ *** Минускульное издание № 129 1937 г.</p> 	<p>МАРК КОЛОСОВ КОМСОМОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ</p> <p>*** Минускульное издание № 130 1937 г.</p>	<p>АРК. АВЕРЧЕНКО ЧЕЛОВЕК ЗА ШИРНОЙ РАССКАЗЫ О РАССКАЗЫХ ДЛЯ БОЛЬШОК</p> <p>*** Минускульное издание № 131 1937 г.</p>
<p>МАРК ТВЭН ПОЧЕМУ Я ПОПАЛ В ОСТАВКУ РАССКАЗЫ</p> <p>*** Минускульное издание № 132 1937 г.</p>	<p>ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ ЮНОЧЕСТВЕННЫЕ РАССКАЗЫ</p> <p>*** Минускульное издание № 133 1937 г.</p>	<p>В. ГЕРЦОГ ЗАПИСКИ МЕЖДУПАЛУБНОГО ПАССАЖИРА</p> <p>*** Минускульное издание № 134 1937 г.</p>	<p>КОНРАД БЕРКОВИЧИ РАССКАЗЫ</p> <p>*** Минускульное издание № 135 1937 г.</p>

Цена каждой книжки — 15 коп.

МИХ. ЗОЩЕНКО

БЛЕДНОЛИЦЫЕ БРАТЯ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“
Москва — 1927

ГОС.ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ
ЕВГ. СОКЛОВОЙ
НА КРАСН. КОМАНДЯРОВ 29
ЛЕНИНГРАД

Главлит № 87604.

Тираж 75.000—3 л.

Заказ № 1056.

БЛЕДНОЛИЦЫЕ БРАТЯ

1. ИДЕЙНЫЙ ОРГАНИЗМ

Есть еще идейные люди на белом свете. Не оскудела еще наша жизнь.

На праздниках я встретил одного честного борца против алкоголя.

Этот человек сидел напротив меня за рождественским столом.

Наружность у этого человека была угрюмая. Нос крупный, с красным отливом.

«Этот, думаю, не подкачает — самосильно наляжет на хозяйскую выпивку».

И вдруг вижу, братцы мои, отставляет этот человек свои рюмки и бокалы в сторону и решительно говорит:

— Извиняюсь. Не пью. Мне, говорит, на эти стеклянные предметы смотреть худо. Я, говорит, недавно начал идейную борьбу против алкоголя.

Тут начались среди гостей охи и вздохи. Дескать, такое любопытное занятие отстранять от себя на праздниках! Можно ли?

Тогда человек этот горько усмехнулся на эти реплики и начал отчитывать гостей и хозяев. Много острых и верных вещей сказал он.

— Люди, говорит, могут без этого веселиться. Довольно стыдно. Можно, говорит, заместо этого в картишки удариться и обыграть хозяина. Или, говорит, на худой конец можно погулять с хозяйкой этого дома. Но зачем же отравлять свой идейный организм такой отравой? Я, говорит, всю жизнь пил и закусывал, но теперь я стою за сухой закон. Пущай будут разные ограничения. Пущай продают полбутылки на брата. Пора за это взяться и обратить внимание. Довольно.

Я с радостью глядел на этого выдающегося человека.

Его добродушная супруга сидела рядом со мной.

— Муж-то, говорю ей, у вас какой идейный супруг.

— Да, говорит, такая, знаете, обида напротив праздника! Врач ему совсем не дозволил пить. Сердце, говорит, у вас не дозволяет наклюкаться. Помереть можете...

К концу ужина идейный супруг все же до того назюжикался, что дважды его выносили во двор, и там он освежался.

2. КВАРТИРА

В нашем доме произошла трагедия. Убийство. Муж из ревности убил свою молодую фактическую супругу и ее юридическую мамашу.

Не будем входить в психологию убийства, скажем одно: убийство произошло в небольшой уютной квартире — две комнаты и кухня. Бельэтаж. Уборная. Ванна. 10 квадратных саженей.

Народу собралось во двор этого дома уйма. Каждому, конечно, любопытно было узнать, кому теперь домоуправление передаст эту освободившуюся квартиру.

Уже увезли убийцу. Уже убитых отравили, куда следует, — толпа не расходилась.

Завязалась небольшая потасовка. Кто-то дико орал, что это прямо кумовство передавать эту площадь близким родственникам. Лучше пушай кинут жребий — кому достанется.

И вдруг, братцы мои, стало мне грустно на сердце. Стало мне до чего обидно.

Тут, можно сказать, такая трагедия и драма, с кровью и с убийством, и тут же, на ряду с этим, такой мелкий коммерческий расчет. «Эх, думаю, бледнолицые мои братья!»

И долго стоял у ворот. И противно мне было принимать участие в этих грубых разговорах.

Тем более, что на прошлой неделе я по случаю получил не очень худую квартиру. Смешно же опять менять и гордиться. Я доволен.

3. ЮМОРИСТ

На-днях мне позвонили по телефону.

Кто-то вежливым, мягким голосом спросил:

— Товарищ Зоценко?

— Да.

— Вот в чем дело. Мы производим опыты над усилителем. Большая просьба прочесть несколько строк из какого-нибудь вашего рассказа.

У меня была неотложная срочная работа. Мне очень не хотелось отрываться от дела. Но я человек мягкий. Я уважаю, кроме того, всякие новейшие изобретения. Я прочел в телефонную трубку несколько строчек.

— Прекрасно, — сказал вежливый голос. — Благодарю вас. Звучность изумительная. Теперь мы попросим вас послушать нашу передачу. Будьте любезны, отойдите в самый дальний угол комнаты. И слушайте.

Я положил трубку на стол и отошел шагов на десять. Минуты две стоял дурак-дураком. Потом подошел.

— Ну, как?

— Ничего не слышал.

— Тогда отойдите шагов на пять и присядьте так, чтобы ваше ухо было на одной линии с трубкой.

Я отошел и присел.

— Ну, как?

— Ей-богу, я решительно ничего не слышу! — сказал я сердитым голосом.

— Тогда, — сказал мой собеседник, смеясь, — повесьте трубку и ложитесь спать.

Человек смеялся весело, от души, захлебываясь и хрюкая в телефон.

Да, действительно, я был очень взбешен. Я чуть не оторвал телефонную трубку. Еще бы — десять минут меня дурачил какой-то прохвост. Даже заставлял приседать.

Потом я успокоился. Даже усмехнулся. В чем дело? Все обстоит прекрасно. Можно записать сюжет. Можно сделать небольшой юмористический рассказ на актуальную тему — телефонные хулиганы. Двадцать рублей я честно заработал на этом поганом деле.

В каждой собачьей ерунде есть свои хорошие стороны.

4. СКУПОЙ РЫЦАРЬ

Год назад в одно почтенное издательское учреждение я три месяца под ряд ходил за деньгами.

Заведующий отделом человек был милый, симпатичный. Всякий раз он справлялся о моем драгоценном здорovyи, ин-

тересовался работой. И всегда очень сочувствовал и входил в положение. Однако, денег не платил.

Примерно, зайдешь к нему числа десятого. Разведет руками, грустно улыбнется.

— Ай, говорит, ну, можно ли в такие несуразные числа заходить. Десятое число! А мне, может, пятнадцатого рабочим и служащим платить. Сами посудите.

Ну, сообразишь, что десятое число, действительно, несколько неудобное число для платежей, — уйдешь.

Приходишь числа двадцатого.

— Ну, что вы, говорит, делаете? Только что недавно рабочим и служащим заплатил. Ну, откуда я вам возьму? Сами посудите.

Два месяца я терпеливо поднимался на пятый этаж. В начале третьего месяца я стал слегка наседать и требовать.

Заведующий ерзал на стуле, грустно разводил руками, но денег не платил.

Я знаю — деньги платить занятие скучное, малоприбыльное. Сплошной, можно сказать, коммерческий расход. В трубу можно свободно полететь, ежели всем платить. Однако, мне было все равно. Я с энергичной настойчивостью вел свою линию.

Заведующий, видимо, начал страдать от моих посещений. Он избегал моего взгляда. Молча разводил руками. И углублялся в свои бумаги.

Однажды, когда у заведующего сидел какой-то посетитель, я начал грозить. Я сказал:

— Либо платите сейчас, либо я сам не знаю, что сейчас сделаю.

В голосе моем появились истерические нотки и вообще некоторое повизгиванье.

Вдруг я услышал всхлипывание. Я с испугом посмотрел на заведующего. Закрыв глаза рукой, он плакал, не стесняясь присутствия посетителя.

Я мысленно обругал себя скотиной и выбежал из кабинета. Мне было ужасно стыдно и неловко.

Так довести человека. Экая я чортова свинья! Ну, действительно, ну, откуда ему взять денег, если у него, может, нету? Ах, какая гнусность! Надо извиниться. Скажу: согласен ждать, сколько понадобится.

Я снова вошел в кабинет.

Заведующий откинувшись на спинку кресла, тихонько смеялся. Его усы и подбородок дрожали от смеха.

Я услышал, как он говорил своему собеседнику:

— Ну, что я могу сделать? Пристают, докучают. Мешают работать. Ну, откуда я всем возьму? Приходится, знаете, прибегать к этой невинной хитрости. Это действует. Они народ впечатлительный.

Я подошел к столу и тяжелым голосом потребовал немедленной уплаты.

Заведующий, не глядя на мое лицо, написал на моем заявлении — уплатить завтра.

Назавтра я деньги получил.

Этот случай — подлинная правда. Я давно уж перестал фантазией разбавлять свои рассказы.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Конечно, случай этот мелкий, не мирового значения. Некоторые людишки очень даже свободно не поймут, в чем тут дело.

Нэпман, например, у которого, может, в каждом жилетном кармане серебро гремит, тоже навряд ли разберется в этом происшествии.

Зато поймет это дело простой рабочий человек, который не гребет деньги лопатой. Такой человек поймет и очень даже горячо посочувствует Василию Ивановичу Растопыркину.

Дело в том, что Василий Иванович, товарищ Растопыркин, купил билет в театр.

В день полочки Вася Растопыркин специально зашел в театр и, чтоб зря не растратиться, купил заблаговременно билет в 16-м ряду.

Человек давно мечтал провести вечер в культурном общезитии. И в силу этого целковый отдал, не моргнув глазом. Только языком чуть щелкнул, когда кассир монету загребал.

А к этому спектаклю Василий Иванович очень серьезно готовился. Помылся, побрился, галстук привязал.

Ох, ох, Василий Иванович, Василий Иванович! Чувствовало ли твое благородное сердце житейский подвох? Пред-

видел ли ты все мелочи жизни? Не дрогнула ли у тебя стальная рука, привязывая галстук?

Ох, ох, грустные дела, скучные дела происходят на свете!

А в день спектакля Василий Иванович Растопыркин в очень радостно-веселом настроении пошел в театр.

«Другие, думает, людишки, нет на них погибели, в пивные ходят, или в пьяном угаре морды об тумбу друг другу разбивают. А тут идешь себе в театр. С билетом. Тепло, уютно, интеллигентно. И цена за все — рубль».

Пришел Василий Иванович в театр минут за двадцать.

«Пока, думает, то да се, пока разденусь да схожу опраться, да галстук потуже привяжу — оно в аккурат и будет».

Начал наш милый товарищ Василий Иванович Растопыркин раздеваться, глядит на стене объявление — 20 копеек с персоны за раздеванье.

Екнуло у Василия Ивановича сердце.

«Нету, думает, у меня таких денег. За билет, да, действительно, сполна уплочено. А больше нету. Копеек 8 должно быть набейт. Если думает, за эту сумму не пристрою одежду, то худо. Придется в пальто и галошах преть и на шапке сидеть».

Разделся наш сердечный друг Василий Иванович. Подает одежду с галошами за барьер.

— Извиня, говорит, дядя, мелких мало. Прими в руку что есть, не считая.

А при вешалке, как-раз наоборот, попался человек циничный. Он сразу пересчитал мелкие.

— Ты, говорит, что ж это, собачья кровь, шесть копеек мне в руку кладешь? Я, говорит, за это могу тебя галошей по морде ударить.

Тут сразу между ними ссора произошла. Крик.

Вешальщик орет:

— Да мне, может, за эти мелкие противно за твоими галошами ухаживать. Отойди от моей вешалки, не то я за себя не ручаюсь.

Василий Иванович говорит:

— Ты, зараза, не ори на меня. Не подрывай авторитета в глазах буржуазии. Прими одежду, как есть, я тебе завтра занесу остатные.

Вешальщик говорит:

— Ты меня буржуями не стращай. Я, говорит, не испугался. Отойди от моей вешалки на пушечный выстрел, арапская твоя личность.

Тут, конечно, другие вешальщики начали обсуждать эпизод. Дискуссия у них поднялась, — дескать, можно ли 6 копеек в руку совать.

А время, конечно, идет. Последние зрители бегут в зал. Акт начинается.

Васин вешальщик орет за своим барьером:

— Пушай, говорит, этот паразит в другой раз со своей вешалкой приходит. Пушай, говорит, сам вешает и сам сто-рожит.

Василий Иванович чуть не заплакал от обиды.

— Ах, ты, говорит, старая морда, верзила-мученик. Да я, говорит, за эти выражения могу тебе всю бороду выдернуть.

Тут Василий Иванович поскорей надел пальто, положил галоши в шапку и бросился к дверям. Бросился к дверям — не пушают в одеже.

— Братцы, говорит Василий Иванович, милые товарищи, билет же, глядите, вот у меня в руке. Оторвите от него корешок и пропустите.

Нет, не пускают.

Тут, действительно, Василий Иванович Растопыркин прямо заметался. Спектакль идет. Музыка раздается. Билет в руке. И пройти нельзя.

Поскорее разделся Василий Иванович, завернул одежду в узел. Ткнулся с узлом в дверь — не позволяют.

— Вы бы, говорят, еще перину с собой принесли.

А время идет. Музыка гремит. Антракт начинается.

Василий Иванович Растопыркин совершенно упал духом.

Бросился до своего вешальщика.

— Ах, ты, говорит, распродажная твоя личность! Смотрите, какую харю наел, ухаживая за нэпом.

Еще немного — и произошла бы некрасивая стычка. Но, спасибо, другие вешальщики розняли.

Один старенький, наиболее добродушный вешальщик говорит Василию Ивановичу:

— Прямо, говорит, очень жалко на тебя глядеть, как ты расстраиваешься. Вешай ко мне задаром. Только, говорит, завтра, Христа ради, не позабудь принести.

Василий Иванович говорит:

— Чего мне теперь вешать, раз второе действие идет. Я, говорит, все равно теперь ни хрена не пойму. Я, говорит, не привык пьесы с конца глядеть.

Начал Василий Иванович продавать свой билет кому попало. С трудом продал за гривенник одному беспризорному. Плюнул в сторону своего вешальщика и вышел на улицу.

СВАДЬБА

Конечно, Володька Завитушкин немного поторопился. Был такой грешок.

Володька, можно сказать, толком и не разглядел своей невесты. Он, по совести говоря, без шляпки и без пальто ее никогда даже и не видел. Потому, все главные события на улице развернулись.

А что перед самой свадьбой Володька Завитушкин заходил со своей невестой к ее мамаше представляться, так он не раздеваясь представлялся. В прихожей. Так сказать, на ходу.

А познакомился Володя Завитушкин со своей невестой в трамвае.

Сидит он в трамвае и вдруг видит перед ним этакая барышня вырисовывается. Такая ничего себе барышня, аккуратенькая. В зимнем пальто.

И стоит эта самая барышня в зимнем своем пальто перед Володькой и за ремешок рукой держится, чтоб пассажиры ее не опрокинули. А другой рукой пакет к груди прижимает. А в трамвае, конечно, давка. Пихаются. Стоять прямо, скажем, нехорошо.

Вот Володька ее и пожалел.

— Присаживайтесь, говорит, ко мне на одно колено, все легче ехать.

— Да нет, говорит, мерси.

— Ну, так, говорит, давайте тогда пакет. Кладите мне на колени, не стесняйтесь. Все легче будет стоять.

Нет, видит, и пакета не дает. Или пугается, чтоб не упер. Или еще что.

Глянул на нее Володя Завитушкин еще раз и прямо обалдел.

«Господи, думает, какие миловидные барышни в трамваях ездят».

Едут так они две остановки. Три. Четыре. Наконец, видит Завитушкин — барышня к выходу тискается. Тоже и Володька встал. Тут у выхода, значит, у них знакомство и состоялось.

Познакомились. Пошли вместе. И так у них все это быстро и без затрат обернулось, что через два дня Володька Завитушкин и предложение ей сделал.

Или она сразу согласилась или нет, но только на третий день пошли они в гражданский подотдел и записались.

Записались они в ЗАГС'е, а после записи и развернулись главные события.

После записи пошли молодые на квартиру к мамаше. Там, конечно, полная суматоха. Стол накрывают. Гостей много. И, вообще, семейное торжество — молодых ждут.

И какие-то разные барышни и кавалеры по комнате суетятся, приборы ставят и пробки открывают.

А свою молодую супругу Володька Завитушкин еще в прихожей потерял из виду.

Сразу его, как на грех, обступили разные мамыши и родственники, начали его поздравлять и в комнату тащить.

Привели его в комнату, разговаривают, руку жмут, спрашивают, в каком, дескать, союзе находится.

Только видит Володька — не разобрать ему, где его молодая жена. Девиц в комнате много. Все вертится, все мотаются, ну, прямо с улицы, со свету, хоть убей не разобрать.

— Господи, думает Володька, никогда ничего подобного со мной не происходило. Какая же из них моя молодая супруга?

Стал он по комнате ходить между девиц. То к одной толкнется, то к другой толкнется. А те довольно неохотно держатся и особой радости не выказывают.

Тут Володька немного даже испугался.

«Вот, думает, на чем засыпался — жену уж не могу найти».

А тут еще родственники начали коситься — чего это молодой ходит, как ненормальный, и на всех девиц бросается.

Стал Володька к двери и стоит в полном упадке.

«Ну, спасибо, думает, если сейчас за стол садиться будут. Тогда, может, что-нибудь определится. Которая со мной сядет, та, значит, и есть. Хотя бы, думает, вот эта бело-брысенякая села. А то, ей-богу, подсунут какое-нибудь дермо, потом живи с ним».

В это время гости начали за стол садиться.

Мамаша христом-богом просит обождать еще немного, не садиться. Но на гостей прямо удержку нету, прямо кидаются на жратву и на выпивку.

Тут Володю Завитушкина волокут на почетное место. И рядом с ним с одного боку сажают девицу.

Поглядел на нее Володька, и отлегло у него на сердце.

«Ишь ты, думает, какая. Прямо, думает, недуренькая. Без всякой шляпки. Ей даже лучше. Нос не так уж просится наружу».

От полноты чувств Володя Завитушкин нацедил себе и ей вина и полез поздравлять и целоваться.

Но тут и развернулись главные события.

Начали раздаваться крики и разные вопли.

— Это, кричат, какой-то ненормальный, сукин сын. На всех девиц кидается. Молодая супруга еще к столу не вышедши — прибирается, а он с другой начал упражняться.

Тут произошла абсолютная дрянь и неразбериха.

Володьке бы, конечно, в шутку все превратить. А он очень обиделся. Его в суматохе какой-то родственник бутылкой тиснул по затылку.

Володька кричит:

— А пес вас разберет! Насажали разных баб, а мне разбирайся.

Тут невеста в белом балахоне является. И цветы сбоку.

— Ах, так, говорит, ну так это вам выйдет боком.

И опять, конечно, вопли, крики и истерика.

Начали, конечно, родственники выгонять Володьку из квартиры.

Володька говорит:

— Дайте хоть пожрать. С утра, говорит, не жравши по такой канители.

Но родственники поднажали и ссыпали Володьку на лестницу.

На другой день Володя Завитушкин после работы зашел в гражданский подотдел и развелся.

Там даже не удивились.

— Это, говорят, ничего, бывает. Нынче, говорят, редко случаются более продолжительные браки.

Так и развели.

ЛИМОНАД

Я, конечно, человек непьющий. Ежели другой раз и выпью, то мало — так приличия ради или славную компанию поддержать.

Больше как две бутылки мне враз нипочем не употребить. Здоровье не позволяет. Один раз помню в день своего бывшего ангела я четверть выкушал.

Но это было в молодые, крепкие годы, когда сердце отчаянно в груди билось и в голове мелькали разные мысли.

А теперь старею.

Знакомый ветеринарный фельдшер, товарищ Птицын, давеча осматривал меня и даже, знаете, испугался. Задрожал.

— У вас, говорит, полная девальвация. Где, говорит, печень, где мочевой пузырь, распознать, говорит, нет никакой возможности. Очень, говорит, вы сносились.

Хотел я этого фельдшера побить, но после остыл к нему.

«Дай, думаю, сперва к хорошему врачу схожу, удостоверюсь».

Врач никакой девальвации не нашел.

— Органы, говорит, у вас довольно в аккуратном виде. И пузырь, говорит, вполне порядочный и не протекает. Что касается сердца, то сердце очень еще отличное, даже, гово-

рит, шире, чем надо. Но, говорит, пить вы перестаньте, иначе очень просто смерть может последовать.

А помирать, конечно, мне неохота. Я жить люблю. Я человек еще молодой. Мне только-только в начале непа 53 года стукнуло. Можно сказать, в полном расцвете сил и здоровья. И сердце в груди широкое. И пузырь, главное, не протекает. С таким пузырем жить да радоваться. Надо, думаю, в самом деле пить бросить.

Взял и бросил.

Не пью и не пью. Час не пью, два часа не пью. В пять часов вечера пошел, конечно, обедать в столовую.

Покушал суп. Начал вареное мясо кушать — охота выпить.

«Заместо, думаю, острых напитков попрошу чего-нибудь помягче — нарзану или же лимонаду».

Зову.

— Эй, говорю, который тут мне порции подавал, неси мне, куриная твоя голова, лимонаду.

Приносят, конечно, мне лимонад на интеллигентном подносе. В графине. Наливаю в стопку.

Пью я эту стопку, чувствую: кажись, водка. Налил еще. Ей-богу, водка. Что за чорт! Налил остатки — самая настоящая водка.

— Неси, кричу, еще!

«Вот, думаю, поперло-то».

Приносят еще.

Попробовал еще. Никакого сомнения не осталось — самая натуральная.

После, когда деньги платил, замечание все-таки сделал.

— Я, говорю, лимонаду просил, а ты чего носишь, куриная твоя голова?

Тот говорит:

— Так что это у нас всегда лимонадом зовется. Вполне законное слово. Еще с прежних времен... А натурального лимонаду, извиняюсь, не держим — потребителя нету.

— Неси, говорю, еще последнюю.

Так и не бросил. А желание было горячее. Только вот обстоятельства помешали. Как говорится — жизнь диктует свои законы. Надо подчиняться.

ПАСХАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

Вот, братцы мои, и праздник на носу — пасха православная.

Которые верующие, те, что бараны, потащут свои куличи святить. Пушай тащут! Я не потащу. Будет. Мне, братцы, в прошлую пасху на кулич ногой наступили.

Главное, что я замешкался и опоздал к началу. Прихожу к церковной ограде, а столы все уже заняты. Я прошу православных граждан потесниться, а они не хотят. Ругаются.

— Опоздал, говорят, чорт такой, так и становь свой кулич на землю. Нечего тут тискаться и пихаться — куличи построняешь.

Ну, делать нечего, поставил свой кулич на землю. Которые опоздали, все наземь ставили.

И только поставил, звоны и перезвоны начались.

И вижу, сам батя с кисточкой прется.

Макнет кисточку в ведро и брызжет вокруг. Кому в рожу, кому в кулич — не разбирается.

А позади бати отец-дьякон благородно выступает с блюдцем, собирает пожертвования.

— Не скупись, говорит, православная публика! Клади монету посередь блюдца.

Проходят они мимо меня, а отец-дьякон зазевался на свое блюдо и — хлоп ножицей в мою тарелку.

У меня аж дух захватило.

— Ты что ж, говорю, длинногривый, на кулич-то наступаешь?.. В пасхальную ночь...

— Извините, говорит, нечаянно.

Я говорю:

— Мне с твоего извинения не шубу шить. Пушай мне теперь полную стоимость заплатят. Клади, говорю, отец-дьякон, деньги на кон!

Прервали шествие. Батя с кисточкой заявляется.

— Это, говорит, кому тут на кулич наступили?

— Мне, говорю, наступили. Дьякон, говорю, сукин кот наступил.

Батя говорит:

— Я, говорит, сейчас кулич этот кисточкой покроплю. Можно будет его кушать. Все-таки духовная особа наступила...

— Нету, говорю, батя. Хотя все ведро свое на его выливай, не согласен. Прошу деньги обратно.

Ну, пря поднялась. Кто за меня, кто против меня.

Звонарь Вавилыч с колокольни высовывается, спрашивает:

— Звонить, что ли, или пока перестать?

Я говорю:

— Обожди, Вавилыч, звонить. А то, говорю, под звон они меня тут совсем обегорят.

А поп ходит вокруг меня, что больной, и руками разводит.

А дьякон, длинногривый дьявол, прислонился к забору и щепочкой мой кулич с сапога счищает.

После выдают мне небольшую сумму с блюда и просят уйти, потому, дескать, мешаю им криками.

Ну, вышел я за ограду, покричал отседа на отца-дьякона, посрамил его, а после пошел.

А теперь куличи жру такие, несвяченые. Вкус тот же, а неприятностей куда как меньше.

ВОЛОКИТА

Не страшен больше бюрократизм. И канцелярской волокитой нас тоже теперь не запугаете.

Недавно один уважаемый товарищ, Кульков, Федор Алексеевич, изобрел способ против бюрократизма. Вот государственная башка-то!

А способ до того действительный, до того дешевый, что надо бы за границей патент взять, да, к глубокому сожалению, Федор Алексеевич Кульков не может сейчас за границу выехать — сидит, сердечный друг, за свой опыт. Нет пророка в отечестве своем.

А против бюрократизма Федор Кульков такой острый способ придумал.

Кульков, видите ли, в одну многоуважаемую канцелярию ходил очень часто. По одному своему делу. И не то он месяц ходил, не то два. Ежедневно. И все никаких результатов. То-есть, не обращают на него внимания бюрократы, хоть плачь. Не отыскивают ему его дела. То в разные этажи посылают. То завтраками кормят. То просто в ответ грубо смеются.

Конечно, ихнее дело тоже хамское. К ним, бюкратам, тоже на день, может по сто человек с глупыми вопросами лезет. Тут поневоле нервная грубость образуется.

А только Кульков не мог входить в эти интимные подробности и ждать больше.

Он думает:

«Ежели сегодня дела не кончу, то определенно худо. Затаскают еще свыше месяца. Сейчас, думает, возьму кого-нибудь из канцелярского персонала и смажу слегка по морде. Может, после этого факта обратят на меня благосклонное внимание и дадут делу ход».

Заходит Федор Кульков на всякий случай в самый нижний подвальный этаж, — мол, если кидать из окна будут, чтоб не шибко разбиться. Ходит по комнатам.

И вдруг видит такую возмутительную сцену. Сидит у стола на венском стуле какой-то средних лет бюрократ. Воротничок чистый. Галстук. Манжетки. Сидит и абсолютно ничего не делает. Больше того: сидит, развалившись на стуле, губами немножко свистит и ногой мотает.

Это последнее просто вывело из себя Федора Кулькова.

«Как, думает, государственный аппарат, кругом портреты висят, книги лежат, столы стоят и тут, на ряду с этим, мотанье ногой и свист — форменное оскорбление.

Федор Кульков очень долго глядел на бюрократа — возбуждался. После подошел, развернулся и дал, конечно, слегка наотмашь в морду.

Свалился, конечно, бюрократ со своего венского стула. И ногой перестал мотать. Только орет остро.

Тут бюрократы, ясное дело, сбежались со всех сторон — держать Кулькова, чтоб не ушел.

Битый говорит:

— Я, говорит, по делу пришедши, с утра сижу. А ежели еще натошак меня по морде хлопать начнут в государствен-

ном аппарате, то, покорнейше благодарю, не надо, обойдемся без этих фактов.

Федор Кульков, то-есть, до чрезвычайности удивился.

— Я, говорит, прямо, товарищи, не знал, что это посетитель пришедши, я думал просто, бюрократ сидит. Я бы его не стал стегать.

Начальники орут:

— Отыскать, туды-сюды, кульковское дело.

Битый говорит:

— Позвольте, пускай тогда и на меня обратят внимание. Почему же такая привилегия бьющему. Пускай и мое дело разыщут. Фамилия Обрезков.

— Отыскать, туды-сюды, и обрезкино дело.

Побитый, конечно, отчаянно благодарит Кулькова, ручки ему жмет:

— Морда, говорит, дело наживное, а тут по гроб жизни вам благодарен за содействие против волокиты.

Тут быстрым темпом составляют протокол и в это время кульковское дело приносят. Приносят его дело, становятся на нем резолюцию и дают совершенно законный ход.

Битому же отвечают:

— Вы, говорят, молодой человек, скорей всего ошиблись учреждением. Вам, говорят, скорей всего в Собес нужно, а вы, говорят, вон куда пришедши.

Битый говорит:

— Позвольте же, товарищи. За что же меня, в крайнем случае, тогда по морде били? Пускай хоть справку дадут, мол, такого-то числа, действительно, товарищу Обрезкину набили морду.

Справку Обрезкину отказали дать, и тогда, конечно, он полез к Федору Кулькову драться. Однако, его вывели и на этом дело заглохло.

Самого же Кулькова посадили на две недели, но зато дело его благоприятно и быстро кончилось без всякой волокиты.

КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ

У моих знакомых, у Гусевых, немец из Берлина жил. Комнату снимал. Почти два месяца прожил.

И не какой-нибудь там чухонец или другое национальное меньшинство, а настоящий германец из Берлина. По русски — ни в зуб ногой. С хозяевами изъяснялся руками и головой.

Одевался, конечно, этот немец ослепительно. Белье чистое. Штаны ровные. Ничего лишнего. Ну, прямо гравюра. А когда уезжал этот немец, то много чего оставил хозяевам. Цельный ворох заграничного добра. Разные пузырьки, воротнички, коробочки. Кроме того, почти две пары кальсон. И свитер почти не рваный. А мелочей разных и не счесть — и для мужского, и для дамского обихода.

Все это в кучу было свалено в углу у рукомоЙника.

Хозяйка, мадам Гусева, дама честная, ничего про нее такого не скажешь, намекнула немчику перед самым его отъездом, — дескать, битте-дритте, не впоныхах ли изволили заграничную продукцию оставить.

Немчик головой лягнул, дескать, битте-дритте, пожалуйста, заберите, об чем разговор, жалко, что ли.

Тут хозяйка налегла на оставленную продукцию. Сам Гусев даже подробный список вещам составил. И уж конечное дело сразу свитер на себя напялил и кальсоны взял.

После две недели ходил с кальсонами в руках. Всем показывал, невозможно как гордился и хвалил немецкое качество.

А вещи, действительно, были хотя и ношенные и, вообще говоря, чуть держались, однако, слов нет — настоящий заграничный товар, глядеть приятно.

Между прочим, среди оставленных вещей была такая фляга не фляга, но вообще такая довольно плоская банка с порошком. Порошок вообще розовый, мелкий. И душок довольно симпатичный — не то лориган, не то роза.

После первых дней радости и ликования начали Гусевы гадать, что за порошок. Нюхали и зубами жевали, и на огонь сыпали, но угадать не могли.

Носили по всему дому, показывали вузовцам и разной домовой интеллигенции, но толку не добились.

Многие говорили, будто это пудра, а некоторые заявляли, будто это мелкий немецкий тальк для подсыпки только что родившихся ребят.

Гусев говорит:

— Мелкий немецкий тальк мне ни к чему. Только что родившихся ребят у меня нету. Пушай это будет пудра. Пушай я буду после каждого бритья морду себе подсыпать. Надо же культурно пожить хоть раз в жизни.

Начал он бриться и пудриться. После каждого бритья ходит розовый, цветущий и прямо благоухает.

Кругом, конечно, зависть и вопросы.

Тут Гусев, действительно, поддержал немецкое производство. Много и горячо нахваливал немецкий товар.

— Сколько, говорит, лет уродовал свою личность разными русскими отбросами и вот, наконец, дождался. И когда, говорит, эта пудра кончится, то прямо и не знаю

как быть. Придется выписать еще баночку. Очень уж чудный товар.

Через месяц, когда пудра подходила к концу, пришел в гости к Гусеву один знакомый интеллигент. За вечерним чаем он и прочитал банку. Оказалось, это было немецкое средство против разведения блох.

Конечно, другой менее жизнерадостный человек был бы сильно пришиблен этим обстоятельством. И даже, может быть, у менее жизнерадостного человека рожа покрылась бы прыщами и угрями от излишней мнительности. Но не таков был Гусев.

— Вот это я понимаю, — сказал он. — Вот это качество продукции! Вот это достижение. Это, действительно, не переплюнешь товар. Хочешь морду пудри, хочешь блох посыпай. На все годится. А у нас что?

Тут Гусев, похвалив еще раз немецкое производство, сказал:

— То-то я и гляжу, — что такое? Целый месяц пудрюсь, и хоть бы одна блоха меня укусила. Жену, мадам Гусеву, кусают. Сыновья тоже целные дни отчаянно чешутся. Собака Нанка тоже скребется. А я, знаете, хожу и хоть бы что. Даром, что насекомые, но чувствуют шельмы настоящую продукцию. Вот это, действительно...

Сейчас порошок у Гусева кончился. Должно быть, снова его кусают блохи.

ЦАРСКИЕ САПОГИ

В этом году в Зимнем дворце разное царское барахлишко продавалось. Музейный фонд, что ли, этим торговал. Я не знаю кто.

Я с Катериной Федоровной Коленкоровой ходил туда. Ей самовар нужен был на 10 персон.

Самовара, между прочим, там не оказалось. Или царь пил из чайника, или ему носили из кухни в каком-нибудь граненом стакане, я не знаю, — только самовары в продажу не поступили.

Зато других вещей было множество. И вещи, действительно, все очень великолепные. Разные царские портьеры, бордюры, разные рюмочки, плевательницы, сорочки и другие разные царские штучки. Ну, прямо глаза разбегаются, не знаешь за что схватиться и какую вещь приобрести.

Тогда Катерина Федоровна на свободные деньги купила, вместо самовара, четыре сорочки из тончайшего моделолама. Очень роскошные. Царские.

Я же вдруг увидел в описи сапоги. Русское голенище. 18 целковых.

Я сразу спросил у артельщика, который торговал:
— Какие это сапоги, любезный приятель?

Он говорит:

— Обыкновенно какие — царские.

— А какая, говорю, мне гарантия, что это царские? Может, говорю, какой-нибудь капельдинер трепал, а вы их вместо царских выдаете. Это, говорю, нехорошо, неприлично.

Он говорит:

— Тут кругом все имущество царской фамилии. Мы, говорит, дермом не торгуем.

— Кажу, говорю, товар.

Поглядел я сапоги. Очень мне ужасно понравились, и размер подходящий. И какие они не широкие, узенькие, опрятные. Тут носок, тут каблук. Ну, прямо цельные сапоги. И вообще мало ношенные. Может, только три дня царь их носил. Подметка еще не облупилась.

— Господи, говорю, Катерина Федоровна, да разве, говорю, раньше можно было мечтать насчет царской обуви? Или, например, в царских сапогах по улице пройтись? Господи, говорю, как история меняется, Катерина Федоровна!

18 целковых отдал за них, не горюя. И, конечно, за царские сапоги эта цена очень не очень большая.

Выложил 18 целковых и понес эти царские сапоги домой.

Действительно, обувать их было трудно. Не говоря про портянку, на простой носок и то еле лезут. Все-таки, думаю, разношу.

Три дня разношивал. На четвертый день подметка отлипла. И не то, чтобы одна подметка, а так полностью вместе с каблуком весь нижний этаж отвалился. Даже пога наружу вышла.

А случилось это поганое дело на улице, на бульваре Союзов, не доходя Дворца Труда. Так и попер домой на Васильевский остров без подметки.

Главное, денег было очень жалко. Все-таки, 18 целковых. И пожаловаться некуда. Ну, будь эти сапоги фабрики «Скороход» или какой-нибудь другой фабрики — другой вопрос. Можно было бы дело возбудить или красного директора с места погнать за такую техническую слабость. А тут, извольте, царские сапоги.

Конечно, на другой день сходил в музейный фонд. А там уж и торговать кончили — закрыто.

Хотел в Эрмитаж смотаться или еще куда-нибудь, но после рукой махнул. Главное, Катерина Федоровна меня остановила.

— Это, говорит, не только царский, любой королевский сапог может за столько лет прогнить. Все-таки, как хотите, со дня революции десять лет прошло. Нитки, конечно, сопреть могли за это время. Это понимать надо.

А, действительно, братцы мои, десять лет протекло. Шутка ли! Товар и тот распадаться начал.

И хотя Катерина Федоровна меня успокоила, но когда, между прочим, после первой стирки у нее эти самые царские дамские сорочки полезли в разные стороны, то она очень ужасно крыла царский режим.

А вообще, конечно, десять лет прошло — смешно обижаться.

Время-то как быстро идет, братцы мои!

СИЛА КРАСНОРЕЧИЯ

Дело было, нельзя сказать, что запутанное. Все было довольно-таки ясно и скучно.

Преступник сознался в своей вине.

Да, действительно, он влез в чужую квартиру, придушил чуть не насмерть, какую-то квартирную старушонку и унес два костюма, медную кастрюлю и еще какое-то барахло.

Дело было плевое. Неинтересное.

Я хотел было уйти из зала суда, но пробраться было трудно. Много народа. К тому же, сосед мой, староватый гражданин с седыми усами, очень неприветливо буркнул, когда я заворочался на своем месте.

Я остался. Поглядел на преступника. Тот сидел неподвижно. Глядел безучастно куда-то в сторону.

— Интересно, сколько ему дадут? — сказал я.

— Ничего интересного, — сказал старик, мой сосед, — четыре года со строгой изоляцией.

— Почему вы так думаете?

— Не я думаю, — строго сказал старик. — Кодекс думает.

Но вот вышел обвинитель.

Он начал говорить с сильным душевным под'емом. Много неподдельного гнева и презрения было в его словах. Он буквально растоптал преступника. Он сравнил его с самым

последним дрянным мусором, который надо выкинуть без сожаления.

Я давно не слышал такой превосходной речи.

Публика сидела притихшая. Судьи внимательно слушали гневные слова прокурора.

Я поглядел на преступника. Низкий лоб. Тупая челюсть. Звериный взгляд. Да, действительно, форменный бандит. С каким страхом он глядел на говорившего!

— Здорово кроет, — сказал я. — Как бы парня налево не послали, а? Как вы думаете? Вышнюю меру не могут дать?

— Ерунда, — сказал старик, — четыре года со строгой изоляцией.

Но вот прокурор кончил. После небольшого перерыва начал говорить защитник.

Это был довольно молодой человек. Но сколько настоящего таланта было в нем! Какая сила красноречия! Какой неподдельной простотой и искренностью звучала вся его речь!

Красноречие — это большой дар. Это — большое счастье, обладать такой способностью покорять людей своими словами и диктовать им свои желания.

Почти полтора часа говорил защитник.

Публика дергалась на своих местах. Дамы глубоко вздыхали и пудрили вспотевшие от волнения носы. Некоторые слабонервные всхлипывали и сморкались. Сам председатель нервно барабанил пальцами по бумаге.

Преступник в совершенном обалдении, полураскрыв рот, глядел на своего благодетеля.

Да, конечно, защитник и не пытается отрицать его вину. Нет! Это все так. Но не угодно ли заглянуть поглубже. Не угодно ли приподнять завесу, скрывающую тайники жизни. Да, преступник виновен, но нужно хоть раз с добрым

сердцем взглянуть на этого человека, на его простое наивное лицо.

Я снова посмотрел на преступника. В самом деле, а ведь лицо довольно простоватое. И лоб, как лоб. Неособенно низкий. И челюсть не так уж выдается. Подходящая челюсть. Прямо трудно поверить, что с такой челюстью можно душить старушку.

— А ведь шария-то, пожалуй, оправдают, — сказал я, — или дадут условно. Очень уж способно говорит защитник.

— Ерунда, — сказал старик, — четыре года со строгой изоляцией.

Но вот суд удалился на совещание.

Публика ходила по коридору, обсуждая прекрасную речь защитника. Многие предполагали, что более одного года условно не могут дать.

Мой старик сосал небольшую трубку и сердито говорил в толпе:

— Ерунда! Четыре года со строгой изоляцией.

После долгого ожидания, суд вернулся в зал.

Был оглашен приговор — четыре года со строгой изоляцией.

Конвойные тотчас окружили преступника и увели...

Публика медленно расходилась.

В толпе я увидел своего старика. Он прищурил глаз и что-то пробормотал. Наверное, он сказал:

— Вот видите, я же говорил.

Этот человек явно скептически относился к красноречию.

Я с ним не согласен. Мне нравится, когда о человеке много и подробно говорят. Все-таки, меньше шансов ошибиться.

АВАНТЮРНЫЙ РАССКАЗ

1. ТАИНСТВЕННАЯ ЗАПАДНЯ

На площадке четвертого этажа человек остановился. Он пошарил в карманах, вынул спички и чиркнул.

Желтое, короткое пламя осветило медную дверную дощечку. На дощечке было сказано буквально следующее:

«Зубной врач Яков Петрович Шишман».

— Здесь, — прошептал незнакомец. И, не найдя звонка, постучал ногой в дверь.

Вскоре щелкнул французский замок, и дверь бесшумно раскрылась.

— Звоняюсь, зубной врач принимают? — спросил незнакомец, с осторожностью входя в полутемную прихожую.

— Вам придется немного обождать, — сухо ответил врач. — У меня сейчас пациент.

— Ну, что ж, можно обождать, — добродушно согласился незнакомец.

Врач острым сверлящим взглядом посмотрел на незнакомца и, недобро усмехнувшись, добавил:

— Просту вас пройти в столовую. Следуйте за мной.

И едва незнакомец сел, как врач, быстро обернувшись назад, выскочил из комнаты и захлопнул за собой тяжелую, массивную дверь.

Рададлось зловещее щелканье замка.

Незнакомец смертельно побледнел и пытливым взглядом окинул помещение. Комната была почти пуста. Кроме стола, покрытого скатертью, и пары деревянных стульев, ничего в ней не было.

2. ВРАЧ ПРИНИМАЕТ НЕЗНАКОМЦА

Через двадцать минут зубной врач Яков Шияшман принял незнакомца.

— Я очень извиняюсь, — сказал врач, — что мне пришлось закрыть вас в столовой. Прислуги у меня, видите ли, нету. А, знаете, какое нынче времячко? Давеча у меня пациенты два пальто с вешалки унесли. Перед тем — шубу... А сегодня, знаете, один дьявол последнюю медную плевательницу из прихожей вынес. Прямо хоть бросай работу. Пока тут, знаете, возишься с пациентом, ожидающие выносят. Приходится принимать такие меры... Я очень извиняюсь... Откройте рот.

— Хм, — неопределенно сказал незнакомец и открыл рот.

3. ЧИСТАЯ РАБОТА

Незнакомец вышел на улицу, остановился у фонаря и саркастически усмехнулся.

— Так, — сказал незнакомец, — посмотрим теперича, что за дермо.

Он вынул из-под пальто столовую скатерть и развернул ее.

— А скатертишка-то дрянъ. Латаная скатертишка, —
прошптал сквозь зубы незнакомец и с остервенением
сплюнул.

Затем потоптался на месте и пробормотал:

— Ну, пес с ей, какая есть! Кроме ее ни черта же не
было. Не стулья же, граждане, выносить.

Незнакомец махнул рукой и побрел дальше.

ГОСТИ

Конечно, об чем говорить! Гость нынче пошел ненормальный. Все время приходится за ним следить: и чтоб пальто свое надел, и чтоб лишнюю барашковую шапку на башку не напялил.

Еду-то, конечно, пущай берут. Но зачем же еду в салфетки заворачивать? Это прямо лишнее. За этим не поведешь, так гости могут в две вечеринки все имущество вместе с кроватями и буфетами вывезти. Вон какие гости пошли!

У моих знакомых на почве гостебоязни небольшой инцидент развернулся на этих праздниках.

Приглашено было на рождество человек пятнадцать самых разнообразных гостей. Были тут и дамы, и не дамы. Пьющие и выпивающие.

Вечеринка была пышная. На одну только жратву истрачено было около семи рублей. Выпивка — на паях. По два с полтиной с носу. Дамы бесплатно. Хотя это, прямо сказать, глупо. Другая дама налижится до того, что любому мужчине может сто очков вперед дать. Но не будем входить в эти подробности и расстраивать свои нервы. Это уж дело хозяйское. Им видней.

А хозяев было трое. Супруги Зефиры и ихний старик — женин папа, Евдокимыч.

Его, может, специально пригласили на предмет посмотреть за гостями.

— Втроем-то, говорят, мы очень свободно за гостями доглядеть можем. Каждого гостя на учет возьмем.

Стали они глядеть.

Первым выбыл из строя Евдокимыч. Этот старикан, дай бог ему здоровья и счастливой старости, в первые же пять минут нажрался до того, что «мама» сказать не мог.

Сидит, глазами играет и дамам мычит определенные вещи.

Сам хозяин Зефиров очень от этой папиной выпивки расстроился и огорчился и сам начал ходить по квартире — следить, как и чего и чтоб ничего лишнего.

Но часам к двенадцати от полного огорчения и сам набрался до полного безобразия. И заснул на видном месте — в столовой на подоконнике.

Впоследствии обнаружилось, что ему надуло фотографическую карточку, и три недели он ходил с флюсом.

Гости, похрав в волю, начали играть и веселиться. Начались жмурки, горелки и игра в щеточку.

Во время игры в щеточку открывается дверь и входит в комнату мадам Зефирова, бледная, как смерть, и говорит:

— Это, говорит, ну, чистое безобразие! Кто-то сейчас выкрутил в уборной электрическую лампочку в 25 свечей. Это, говорит, прямо гостей в уборные нельзя допускать.

Начался шум и треволение. Папаша Евдокимыч, конечно, протрезвел вмиг, начал беспокоиться и за гостей хвататься.

Дамы, безусловно, визжат, не допускают себя лапать.

— Хватайтесь, говорят, за мужчин, в крайнем случае.

Мужчины говорят:

— Пушай тогда произведут поголовный обыск.

Приняли меры. Закрыли двери. Начали устраивать обыск.

Гости сами поочередно выворачивали свои карманы и расстегивали гимнастерки и шаровары и снимали сапоги. Но ничего такого предосудительного, кроме нескольких бутербродов и полбутылки мадеры, двух небольших рюмок и одного графина, обнаружено не было.

Хозяйка, мадам Зефирова, начала горячо извиняться — дескать, погорячилась и кинула тень на такое избранное общество. И высказала предположение, что, может быть, кто и со стороны зашел в уборную и вывинтил лампу.

Однако, момент был испорчен. Никто играть в щеточку не захотел больше, танцы под балалайку тоже расстроились, и гости начали тихонько расходиться.

А утром, когда хозяин продрал свои очи, все выяснилось окончательно. Оказалось, что хозяин из боязни того, что некоторые зарвавшиеся гости могут слिमонить лампочку, выкрутил ее и положил в боковой карман. Там она и разбилась. Хозяин, видимо, круто налег на нее, когда заснул на подоконнике.

МОКРОЕ ДЕЛО

Давеча возвращаюсь домой из гостей. Одиннадцать вечера. Темно. Безлюдно.

На сердце неясная тревога. В груди трепет и волнение по причине позднего часа.

Только бы, думаю, с бандитами не встретиться или с хулиганами. Время такое — в самый раз.

А уж если, думаю, суждено встретиться, то пуцай лучше с хулиганами встречусь. Хулиганы, они как-то симпатичней. Ну, пошалят, ну, по морде трахнут, ну, зуб-другой вынут. Только и всего.

Пальто же они снимать не будут. Это уж не ихнее дело пальто снимать. А это очень благородно с ихней стороны не трогать чужую собственность.

Вот с такими грустными мыслями иду домой. Подхожу к дому.

Теперь, думаю, самый беспокойный промежуток остался — лестница. Нет, думаю, ничего страшней, как с бандитом на лестнице встретиться. Главное — узка. Бежать худо. И вообще очень серьезно свалиться можно.

Поднимаюсь по лестнице. Дохожу до второй площадки. Вдруг слышу на верхней площадке кто-то ногами чиркает.

А лестница у нас, конечно, не ярко освещена. Лампочка угольная. Мутная. Кошку в двух шагах и то узнать трудно — за тигра принимаешь.

Поглядел я наверх. Вижу стоит какой-то ренегат. И в руках что-то держит. Какое-то тупое орудие.

Сразу я, конечно, остановился. Затаил дыхание. Стою. Только сердце в груди отчаянно бьется.

Влип, думаю.

И слышу тот тоже меры принял. Также замер, прекратил дыхание и ногами не ходит. Ждет, когда я до него дойду.

В эту минуту, действительно верно, башка у меня стала очень ясно работать.

Либо, думаю, бежать надо, либо назад возвращаться. А как это сделать, не знаю. Если, думаю, обернусь назад, — пес его знает, может, ринется за мной, догонит и душу вытряхнет.

Стою и не дышу, только зубы удерживаю, чтоб зря не лязгали.

А стою я на площадке второго этажа. Недалеко чья-то квартира.

Бежать во двор, думаю, поздно. Сейчас, думаю, осторожно подвинусь к двери, нацупаю звонок и позвоню. Пуцай будет тревога по всему дому.

Стою, глаз с верху не спускаю и сам рукой позади себя шарю. Нашел ручку. Стал ее легонько дергать.

Вдруг сверху как ринется бандит на меня. Ноги у меня подкосились. И дух замер. Сейчас, думаю, душу вытряхнет.

Собрался с силами. Скакнул в сторону. Он за мной. Я вниз. Он по пятам. Прямо чувствую за воротник хватает. А воротник барашковый.

Я по двору. Через ворота. На улицу. Кричу.

Хватает он меня за воротник и роняет на пол.

Тут толпа собирается. Милиция свищет.

Гляжу: за воротник держит меня Петька Водкин, жилец с нашей коммунальной квартиры.

Петька Водкин на меня глядит. Я гляжу на Петьку.

Петька Водкин говорит:

— Эва, кого поймал. А я, говорит, тебя за жулика принял. Что ты там упражнялся у чужой двери?

Я говорю:

— Надо лучше глядеть, Петя Водкин. Я, говорю, у дверей просто дух перевел. А ты меня за воротник хватаешь. Оторвать можно.

Тут объясняем милиции и возвращаемся домой.

Всю ночь, конечно, не мог спать. Ворочался с боку на бок. Все думал и мечтал о том счастливом времени, когда, наконец, начнется спокойная жизнь для всех граждан.

Все — на борьбу с бандитизмом!

ЛИТЕРАТОР

Я первый раз в жизни видел такого писателя.

Он был еле грамотный. Читал он, правда, ничего себе, сносно. Хотя на некоторых длинных словах затруднялся. И буквы некоторые ему, видимо, были в диковинку.

Зато писал он до того худо, что в первый момент я даже растерялся, когда посмотрел на его рукопись. Это было чорт знает что такое. Что-то вообще было нацарапано на бумаге, но что именно разобрать было трудно.

Я просто обомлел, даже испугался, когда он заявил, что эта рукопись — юмористический рассказ. В рукописи было десятка два еле понятных фраз и выражений.

Ей-богу, такого писателя мне не приходилось больше видеть!

А главное, от него почему-то сильно разило скипидаром. Запах был до того острый, что просто можно было потерять сознание, если подольше посидеть с таким человеком.

Он, видимо, и сам сознавал всю остроту своего запаха. И, входя в комнату, он просил разрешения слегка приоткрыть форточку.

— Слушайте, товарищ, — сказал я ему, возвращая рукопись, — да, может, вы спутали? Может, вы вовсе, как бы сказать, не писатель?

— Зачем же путать, — уныло сказал он. — Известно — писатель. Беллетрист.

Он заходил ко мне несколько раз. И всякий раз приносил страницы две-три чорт знает какой ерунды.

Я несколько попривык к его куриному почерку и стал более внимательно читать. Нет, это была совершеннейшая галиматья. Это была просто неслыханная чушь. Это был какой-то лепет дефективного переростка!

С некоторым испугом отдавал я ему обратно рукописи. Я боялся, как бы он меня не убил за возврат. Уж очень он был мрачный. И усы у него были длинные, разбойничьи.

Однако, он довольно терпимо относился к возврату.

— Значится для журналу не годится? — спрашивал он. — Печатать нельзя?

— М-да, — говорил я, — навряд ли можно.

Он довольно равнодушно пожимал плечами и неясно говорил:

— Надо, конечно, расстараться.

И уходил.

Всего он заходил ко мне четыре раза.

В последний раз он припер с собой довольно об'емистую рукопись — страниц на 20.

Я тут же, при нем, прочел и просто побледнел от злости.

— Это, — говорю, — товарищ, ну, прямо ни к чертовой матери не годится. Надо же, наконец, понять. Не только печатать — читать совестно. Возьмите обратно. И не приходите больше.

Он строго посмотрел на меня и сказал:

— Дайте тогда расписку.

— Какую расписку?

— Да что не приняли.

— Да на что, — говорю, — тебе, чудака-человек, расписки?

— Да так, — говорит, — все-таки...

Я посмеялся, но расписку дал. Написал, что произведения писателя такого-то не подходят для печати за малограмотностью.

Он поблагодарил меня и ушел со своей распиской.

Дня через три он снова прибежал ко мне. Он был несколько не в себе.

Он протянул назад свою расписку и сказал:

— Надо на бланке. И чтоб печать. Нельзя такие расписки выдавать.

Тут я припер этого человека к стене. Я просто велел объяснить, на кой дьявол ему нужна расписка. Я ему сказал, что я человек частный и сам никаких печатей на руках не имею.

Тогда, несколько путаясь и сморкаясь в свою толстовку, он объяснил.

— Что ж, — сказал он, — человек я, конечно, небогатый. Гуталин делаю. Производство, конечно, маленькое — только что кормиться. И если, говорит, меня налогом обложить, то я в трубу свободно вылечу. Или за квартиру платить не могу, как торговец. А в доме говорят: «Какая у тебя профессия? Какую тебе цену определить?» Я говорю: «Какая профессия — литератор». «Неси, говорят, сукин сын, удостоверение. Фининспектор тоже с нас требует». — «Бюрократизм, говорю, какой. Ладно, достану». Чего теперь делать?

— Да уж, — говорю, — не знаю.

Он потоптался в нерешительности и ушел.

Фамилию свою он просил никому не говорить. Чорт с ним, не скажу.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Бледнолицые братья	3
Мелочи жизни	9
Свадьба	13
Лимонад	17
Пасхальный случай	20
Волокита	23
Качество продукции	27
Царские сапоги	30
Сцла красноречия	33
Авантюрный рассказ	36
Гости	39
Мокрое дело	42
Литератор	45
